

РОМАН ОСМИНКИН ТОВАРИЩ - ВЕЩЬ

АЛЬМАНАХА «ТРАНСЛИТ» И СВОБМАРКСИЗДА

КНИЖНАЯ СЕРИЯ

kraft

ЧТО ЗНАЧИТ ЭТА КНИГА, СДЕЛАННАЯ КАК "ВЕЩЬ-ТОВАРИЦА"?

Расхожая сегодня формула канадского философа Маршалла Мак-Люэна «средство передачи сообщения само является сообщением» или, если иначе, — «критичным делает не сообщение, а именно средство», имела (сама того не ведая?) практическое предвосхищение еще в 20-е годы. Исследуя эстетику нерыночного предмета («вещи-товарища») у Александра Родченко, Екатерина Деготь в своей статье «От товара к товарищу» пишет: «Капитализм отчуждает труд в пустых знаках-товарах, которыми пролетарий не владеет, но при социализме труд должен остаться неотчужденным, сохранить свой творческий потенциал. Именно поэтому советские вещи — в идеальном своем, редко выдерживаемом варианте — противятся эстетике «товарного вида» и переходят напрямик к сути дела: теплые штаны греют, макароны питают, зенитные установки стреляют. Немодный, ни во что не упакованный, бесформенный с точки зрения товарной эстетики, предмет воплощает ненарушенную сущность; его заметная многотрудность, запечатленное в нем усилие (неловкость, негладкость, несовершенство вещи) есть песнь о труде — песнь, которая считает своим долгом быть правдивой».

Но в те далекие 20-е труд в советском обществе априори был делом главным, почетным, освобожденным от векового рабства. И его правдивая песнь — «вещь-товарищ» — в пределе должна была преодолеть товарно-денежное опосредование и разделение людей на покупателей и продавцов и вести к сближению людей (в частности художников) между собой. «Нужно держаться вместе и строить новые отношения между работниками художественного труда. Мы не организуем никакого быта, если наши взаимоотношения похожи на взаимоотношения богемы Запада», писал Родченко

в своем дневнике. Но вот незадача — вещей было мало и на всех не хватало. Отсюда чаемая «вещь-товарищ» оказалась еще в большей степени наполнена желанием, чем вещь-товар. Голодный «взгляд массы» фетишизировал, казалось бы, только что освобожденную вещь с новой силой. Вернувшись из Парижа, в 1927 году, Родченко вполне подтверждает эту неуничтожимость фетиша изображения вещи, снимая купленной в Париже техникой уже не станки и рабочих, а хрустальные салатницы, жемчужные бусы и зеркала, и Степанову в шелковых чулках и с распущенными волосами (за что был критикуем ЛЕФовцами). Сегодня у нас зеркальная ситуация: вещей много, слишком много. Повсеместная эстетизация повседневных отправлений быта достигла своего апогея, символически изнасиловав уже сытые, на этот раз, массы, предоставив тем лишь отрыгивать от пресыщения купленными образами. Но она никак не затронула рядовое звено — неутомимую вещь, будто белку, вынужденную крутить этот барабан обогащения одних за счет отчуждения труда других. Как пишет Георг Зиммель в статье «Большие города и духовная жизнь», «деньги спрашивают только о том, что является общим для всех соответственных явлений, а именно о меновой ценности, которая нивелирует всякое качество и всякую оригинальность под единственный критерий количества». Люди проявляют все нарастающую неспособность реагировать на новые ублажения тела и чувств с той же энергией, а это приводит к разочарованности, а за ней и к притупленности восприятия различия между вещами. Человеку с притупленными чувствами вещь кажется однообразно тусклой и сырой, ее значение и ценность, а потому и сама вещь кажется ничтожной и недостойной никакого предпочтения перед другими. Такое душевное состояние есть настоящее субъективное отражение всепроницающего денежного хозяйства. Давид Рифф, рассуждая о пользе искусства,

пишет: «Деньги, эта великая сводня, безразличны к разнообразной пользе искусства. В немом мире товаров, где все виды человеческого труда равны, сингулярность эстетического опыта не играет особой роли; все произведения зеркально отражают друг друга». И дальше: «Искусство — это то, на что вы натываетесь, когда думаете о деньгах. Оно породило странную беспредметность или пустоту в самом сердце всего, что мы любим извращенной любовью. Искусство превращается в иностранный филиал, который оставляет нас — своих производителей — беспредметными, обобранными до нитки. Единственное, что нам остается — подражать этой беспредметности, воспроизводя ауру разобщения и гордо неся свою бесполезность».

То есть то, что предлагается нам сегодня, — это обменивать свой труд на деньги и продлевать собственную генеалогию бесполезности. Но неужели производимые нами вещи вынуждены нести в себе отчужденное от нас время и силы и оставлять взамен лишь безличные дензнаки? Не настало ли, наконец, время освободить вещи от товарного бремени и сделать товарищами — неотчуждаемыми помощниками в труде и его же, труда, целью? И последний вопрос: почему они будут при этом критичными? «Вещь-товарищ», эта правдивая песнь о труде, исполненная «во вражеских кварталах» эксплуатации одних людей другими, уже несет в себе сопротивление незыблемой логике капиталистических отношений и критикует ее самой своей сущностью, самой возможностью существования. Ведь если есть что-то отличное от привычного порядка вещей, то этот порядок не тотален и более того — он преходящ. В данном случае порядок вещей можно и должно сменить самим порядком вещи — буквально упорядочив вещь внутри своих жизненных практик так, чтобы она преодолела субъектно-объектный дуализм и стала самой практикой жизни, а не просто средством производства.

ТОВАРИЦЬ-ВЕЩЬ

рефункциональная поэма

вдохновение могила искусства
убери этот взгляд вола
выйди на улицу верни себе
хоть бы

х
у
й

ех nihilo совсем не хило
говори говори заговаривайся
заговори мне зубы чтобы
когнитивное на коленке
проросло

я говорю я
я говорю я
я говорю я

назло драгомощенко
добро драгомощенко
пожаловать в нашу аркадию

на кухнях вполголоса не галдим
а то ж
стихи меняются сообразно общественным отношениям
но все так же опираются
лишь на бес/а/плотности

просто им здесь места нет
как и оправдания
а там где им место есть
там их нет
вот они и без места

левый левый лепет
мнимый маргинал
ты ли ты ли это
громче всех стенал
лед под хромовыми
заботливо посыпал
пеплом голову
не прикладывают к пустой
даже копыто
испей иван
опрокинь в себя
да отразись козлом
заискивая перед разумом
отпущения не видать
грехов овальных
как мать сыра земля

неназванное действие
влечет за собой те же последствия
что и раньше
а что было раньше?
/выжили/

поэт лагерник-барачник-фронтовик
проглоти свой язык
перевари свой язык
что останется
с того станется
а внукам квартира за мкадом останется
большую советскую на развал
он так ненавидел эту власть
что ненависть в нем проросла
и дает плоды
недалеко падающие и легко усваиваемые
кислятина
благородного сознания
не то что парень под р-с-р
мозг убитой коровы

лязг телеги матерок
дымок скрип полозьев
быдло по-польски значит
крупный рогатый скот
пастушок еще мальчик
а уже юрод
смердящий телячьей
тушей с пятнышком
чернозема по локоть
отрыжка барства
земля божья а значит ничья
пойдите в народ
и живите его жизнью
стенает в соломенной куче
народоволка плакучая
не находится ли этот народ
уже в периоде своего полного вырождения?
не одно ли отчаяние
может еще нарушить это бесконечное терпение и
пассивность?
не ирония ли говорить народу
совершенно подавленному своими физическими
бедствиями
о сопротивлении и борьбе?
/еда вместо бомб/
синегуб говорил
имея ум, расти травую
это свыше всяких сил
сологуб печаль таил
перед толпою злой
за то что тупоголовые
умертвили его россию
непредвзяточничество:
частной
может быть только собственность на зубную щетку
приличные люди
говорят шепотом
когда значимый другой

забивает в трубку
их требуху
пенсионеры от брандспойта
разлетаются по хрущевкам
знаете
да ничего вы не знаете
знаете в окопах под огнем
когда спички табак пастернак
тихонов сельвинский кишки
трудно не верить в бога
гаубицы которого забиты
вашей требухой
ты повторяешься
братья и сестры
за мать значения
в жертву тело знака
тошнота влечения
легко верить в бога
раз его потрогав
детройтское техно
это тебе не тыц-тыц
это целая культура
почуй под собой танцполы страны
закрома родины чрез край полны
такими как ты такими как я
зажми ее талию аки зерно в горсти
вытанцуй свой суровый стиль

органический ресурс
окопной лирики
златоуст безус
а уже в седине эмпирики
понатаскали заграничности в стихи
и не под красным знаменем уже

ваня никогда не снимал красные мартенсы
штопанный-перештопанный как франкенштейн
он ходил в них в крым в свое последнее лето

до кровавых мозолей стирая ноги
вы красные мартенсы надели на ваню как мы просили?
не получилось мы их во гроб положили
перед кремацией наверняка вытащат
наверняка вытащат

срочник смачно сплевывает с брони
и распускается русский мат
в аргунском ущелье
целованного воздуха посреди
голова предтечи
от комбата плечи
голова инородца
подброшена в управу
одного из районов города-героя
смотрите славяне
мы нашли управу
на безответственность власти
смерть оккупанту
за русские кости
/я и раньше знал что в тюрьме сосут за сигареты
но думал что это связано с каким-то принуждением
и вдруг я увидел что люди сосут за сигареты из-за
сигарет/

дикий быт
никто не забыт
фигура речи
расплывается
капая горячим жиром
под ноги майора
растапливая лед
зарвавшегося запроса на утопию
гаврила принцип пошел на принцип
отряд не заметил потери бойца
и яблочко песню допел до конца
дионисийское начало крепчало
большинство смолчало

безымянные мрут как мухи
к коммунизму снизу
приходят повитухи
кудри вьются вдоль лица люблю ваню молодца
а сколько геев погубило при голодоморе
тело смердело
текст это хлеб хлеб это тело тело это тесто
пушки и танки мажутся на хлеб
где-то между холокостом и хиросимой
страницы слиплись
среди озимых
это все какая-то идеологическая проституция
давно не было так неприятно
зачем это всё нужно знать людям?
живите внутри себя
что за обобщенная истерия
где твои внутренние переживания
даже самые маленькие люди
значительнее самых глобальных событий
внутренние органы восприятия
внутренняя контртеррористическая операция
внутренние антикризисные меры
внутренний вирус насилия
маленькая личная автаркия
бутоньерка в петлице
kozyри в рукаве
гляди в небо аустерлица
лежа на бородинской траве
кому ты нужен дядя
без номера на рукаве

а то
говорит мао
мы маоисты считаем что
искусство это дело народа не менее чем
хлебопечение и угледобыча
людей нет людей масса
масса мао мямлят массы

смажьте нам уж сосцы докс
от забоя к удою
революционного творчества
хочется да перехочется
отсидеться в библиотеке
трутнем едва ли
трудоднем сверкают
зенки на закоптевшей физии
со скулами все восточней
солнце не заходит
это китайское клетчатое
чудо растягивается
над москвой нерезиновой...

разложившийся фольклор
недовыработанная порода
ни газ ни алмаз
уходи с воображаемым народом
новородовые призраки
восставших терпил
в родник родины
душу отлил
горячее по ляшкам
струится наташки
вдоль шоссе сосут
обветшалый уд
отцов-сыновей
до кровавых слюней
зубы оттиснув
на теле отчизны
это не кровь это краснота
вроде бы та же да уж не та
поэт говори кто гад
опять невпопад невпопад
рабочие тетради
рабочие в тетрадах
поэзия и труд
друг друга перетрут

от стихов далек
рубай уголек
слово налево
тело в дело
ясли мысли
дикарь дикарем
полезай в мюсли
стань сырьем
какой никакой
а все же жизни

какая же это утопия
если это надежда
говорит Всеволод Некрасов
где-то между делом
всей своей жизни

маска сдирается вместе с кожей
лицо потеряно
но не обезврежено
за предоставление трибуны врагу
большое спасибо тебе
товарищ-вещь.

*** / ПРО ОМОНОВЦА /

омоновец в балаклаве
напиши письмо маме
что ты не хотел но тебя заставили
ударить женщину
примерно ее возраста
она слишком громко кричала
свободу ходорковскому
ты понимаешь это не правильно
но защищать олигарха пенсионерке
сын он ей что ли выйдет посмотрим
даст он ей хоть ломаный рубль
но вот другую ударил совершенно искренне
ту что стояла с табличкой путин преступник
думаю здесь бы ты меня поддержала
спрячь говорю путин наш президент и премьер-министр
он поднимает россию с колен и наводит порядок
но не послушалась
знаешь мама
ботинки и бронежилет весят так много
что когда под дождем они намокают
ноги и тело будто пудовые гири а надо бежать
за каким-то парнишкой с листовками
кричу ему стой сученыш
а он в ответ нет фашизму и ведь не догнал бы
хорошо помогли ребята обогнули сбоку
сбили с ног проучили немного
нашелся герой блять
будто бы в нашей стране победившей фашизм
сами не разберутся

мама мама
а я ведь ехал учиться
на инженера-электротехника
хотел как земляк попов в чей музей ты водила
(помнишь еще удивлялся как маленький мальчик

придумал такое сложное радио а ты мне сказала
что далеко в ленинграде он долго учился
и только потом у него получилось и там в ленинграде
в большущем музее стоит его первое радио)
изобрести пусть не радио ну конечно куда мне радио
но выйти в люди стать человеком как ты говорила
и однажды вернувшись
огромный букет георгинов
тебе подарить и услышать почтительный шепот соседей
а сын-то у Ольги не спился

знаешь мама еще что скажу недавно мне снилось
как всем спецотрядом мы попадаем на небо
вокруг в кимоно белых ходят и кланяются друг другу
а ко мне человек невысокого роста подходит
в кимоно белоснежнее самого белого снега
взгляд его ясный и чистый будто зеркало
движения спокойные как вода
кланяется и тут же через бедро бросает
молниеносно что я не успел и моргнуть
а затем болевой прием совершает
будто орлан белохвост когтит золотую рыбу
маменька маменька как мне поднять эту глыбу
вижу вены на лбу черной жидкостью набухают
а глазные белки наливаются красным нет алым
и я хлопаю хлопаю по татами
а человек смеется но хватку не отпускает
говорит запомни иван что и там и тут
чтут лишь царя и кнут
от боли аж вскрикнул нога затекла оказалось
ребят разбудил вертят пальцами у висков
гогочут что Ваня невинные жертвы все сняты
не парься братишка скоро зачистка она вышибает
любую сентиментальную муть

мама еще
два горящих столба мы сейчас проезжаем
и становится страшно мне

я тут один среди этих холодных камней
что болотом воняют они так ненадежны
от них разит какой-то ледяной тревогой
предчувствием бунта
и согреть их не может даже пламя Газпрома

ты скажи ведь я ну-жен рос-сии ведь я за-щи-щаю
ее от продажных шакалов от всех кто понять не желает
что для них же стараются и возрождают
государство и нацию
олигархов на место поставили с коррупцией борются
запад стреножили
мама хоть-ты-то-ме-ня понимаешь
мое дело предотвращать угрозу России
я карающий меч наводящий новый русский порядок
чтобы не было смуты чтобы не стыдно а гордо
мы смотрели в глаза саркозам и обамам...

...что-то ты укоризненно смотришь
мне кажется нет не смотри так не надо не надо
как жарко сниму балаклаву...

(снимает)

омоновец без балаклавы
утром в урале
сквозь похмельную дрему ты видишь
как рдеет заря да роса рассыпается
и горят горят вершины хребтов краснотурьинска

РАЗРУШАЮЩИЕСЯ НОВОСТРОЙКИ

МИНИ-ПОЭМА

/монтаж насилий/:

играет Einstürzende Neubauten [Айнштюрцэндэ
Нойбаутэн] — немецкая индастриал группа

сломать язык не бойся
бойся сломаться
сущее шрам оставляет протуберанцем
в этом гетто и ты одинок аки инок
эту музыку выдает ее де-структивность

задергались кулачки балалаечников
раскрылись объятая баянистов
колокола и кококола
ножички блестят

на ярославской дискотеке
православные реперы из костромы
кокошник из стекляруса
экая балясина

заходите люди добрые
берите что хотите
ведь надо чтобы всякому человеку
было куда пойти

разрушающиеся новостройки
разрушаются изнутри
хочешь спать спокойно
рубаху времени не рви

гусеница сукровицы свернется

прежде чем лицо увернется
цемент застынет быстрее
самых святых соплей
бетонное тело тверже
арматурины позвонков надежней
куда душе твоей

чревовещание матерей
еще не родившись заматерел
разрушение молодит
в каждом гопнике спит эдип
мастурбировать обожди
ты поди его разбуди

очисти ментальность для новых дел
ты так давно ничего не ел
карта россии на потной спине молдаванина русский дух
у бутерброда на тверской цвет у россии серебристо-
серый как избы поморов место россии там где спит
на снегу спившийся с первой рюмки ненец красная
москва красивая москва пизда бомжихи пахнет красной
москвой не застрелит нас солнце стрелой и над зонами
есть озоновый слой

с молодежью спальных районов
говорят на их языке
будучи ослепленными
черной живой энергией
но горе тому
кто плохо усвоил арго

на рейсе душанбе-петербург
произошла разгерметизация
у такжика в желудке
лопнула капсула с героином
одна из 99 специальных капсул-контейнеров
которые он вез в себе
лети таджик лети болезный

ленинградские мальчики наркоманы
не дождавшись своей дозы
разбредаются по христианским общинам
главное вовремя выкрикнуть аллилуйя

но также они узнают что такое труд
будто бы цветаева говорит
во что еще надо переводить пушкина
если он уже перевел это в слова
а вот поди ж ты

новые фаллосы
никого не ебут
эпоха вырождения
здесь вам не тут

помойные сумерки
пенопластом по стеклу
нёбу неба неуютно
а тебе по нутру

архитектура страха
подлый пейзаж
кариатиду трахай
атлантам в рыло вмажь

коррупция в камне
глаза куда мне
блочная вендетта
/ну и типа/ где ты

красно-желтый спальник получиай в ебальник пустота
в барсетке дай пизды соседке пацан к успеху шел из
хиппи в яппи эта маза придет не сразу что ты сделал
для хип-хопа в свои годы не годы уроды а люди пацан
курит до фильтра раздвигай ноги я твоя родина

грязь на обочине
мнимая маргиналия
особо въевшийся лепет
выхаркивается вместе с языком

инфантильному не к чему прикрепиться
щупальцами которые атрофируются
быстрее чем пучки волокон скрепляются в кость
они свернутся в кокон

геополитике нужно пространство
биополитике нужна биомасса
перемешиваем
жиденькая современность
мягкая и податливая как плюшевый мишка
которого сестренки-близняшки
забыли в приемной единой россии
а у мишки тик

навались на приемную времени
мгновение изнасиловать и то не в силах
в преисподней санитарный день
а за знаками стоят живые люди лежат мертвые люди и
еще что-то будет

социальное тело
раздели чувственное
чтобы всем поровну

и ты еще способен что-то чувствовать?

не парься
я закончу твой речевой акт
ведь я знаю о чем ты чувак

не обольщайся
никто никого не понимает

/ ПЧЕЛЫ ВЕРГИЛИЯ / ИЛИ МИНЕТ МАЯКОВСКОМУ*

маяковскому ты по пуп
дыхание жизни веет от
пчела никогда не спит
выдай себе больше прав

мотор роста включен
тюрьма языка скрипит
диско-шар отразит расщепленный субъект
большой член не спасет

где твоя прыгательная нога саранчи
твоя плавательная нога жука
не бойся принимать решения
от которых ничего не зависит

пролетарии улетают
в дальние внутренние углы
работай руками
делай не как мы

выверни мозг в конце-то концов
каждому не угодишь
орнамент внутри
смотри сука смотри

* — в данном случае памятнику в вестибюле станции метро «Маяковская»

ответшальные рифмы
жалятся окуджавами
что ты мне хочешь сказать
говори скорей а то станешь не интересным

бойся босха бойся но
бриколлаж составляй не зевай
где оно лирическое я
вот оно лирическое оно

танцевала на подоконнике
свинцовая мерзость фонит
попробуй угоди всем святым угодникам
что останется от наслаждения

грёзы вторичны
эмоции производят тебя на раз
побойся босха
и прикармань тот страх

мухи родятся прямо из грязи
растет растет рассвет
сцилла и харибда к чему эти блядки
здесь никого нет

бабочка на броне
бабушка в простыне
что ты не скажешь мне
то прошепчи себе

пеленка зловонная
саван смердящий
выпей казенной
и дуй в ящик

воздух чист и свеж
как поцелуй малых сих
взял нож режь
ради россии

покуда скрипит
пыль в сапогах
земля родит
внутреннего врага

ярило озари
за заори
емь выемь
[вариант не найден]

у кого что болит
тот об этом промолчит
сперли дыхание
стань виночерпием

не робей работяга
окропи робу
в сути страха
ни оха ни аха

тоска по ярким цветам
предпоследних истин

мысли модель
зиждется исподлобья
недоносок нес
невыносимость

желание жилы
рвет исподволь
коллективное ментальное
фить-фить

надежд гуща
створаживается ложкой жри
чище и того пуще
язык не слижет

лишь размажет
кто тебя просил
меня мажет
от припадка сил

как ни крути
на хую верти
луч рассеянный
себя не соберет
в истоке
обесцеленный

с улицы где недостроенный бассейн
кратером несдержанных излияний
вливайся в рейв бессознательного
по суху аки по морю
стробоскопами говоришь
дырочки в целостности говоришь
пльиви детка
в носу прищепка
рот не открывай наглотаешься
спермы прыщавых суворовцев
соглядатаев наивных
жил по лжи
ох и грохнет
красная дорожка
на полкорпуса всего на полкорпуса
постоянный апдейт
опять за того парня
по свистку
мните милые мните
свои резиновые шапочки
но помните
деформируя
волокна растяжимости полнехоньки
между большим и средним вьетнамский герб
ахиллесовы пяточки сверкают
и звук
этот хлюпающий звук
здесь должны были быть душевые кабинки
запотевшее стекло

шалоглазая хохляцкая проститутка
выучившая разговорный английский и немецкий
волосы цвета августовской зрелой пшеницы
petite blonde teen swallows your cock
я больше никогда не буду искренним потому что не
знаю что это значит говорит могутин после того как
увидел себя на экране выебанным в два хуя
я за ощущение души при половом грубейшем
акте говорит чарли чаплин в отзыве на рекламу
электромагнитного аппарата для личного полового
отправления Antisexus
искусственное дыхание рот в рот
это искусство наоборот
нет ничего интимнее
анонимной речи
жми же жми же
жизнь рушится
заткнулся бы ты уже а
обнаруживая
несущие стены сущего
кафель такой белый белый
тиски истины заботливо смазаны
а тот парень еще хуячит
разгоняя твое замедленное
кровавое обращение
какой незаметный кровавый режим
выветренная порода в пустыне
недостроили значит
бассейн
слышишь
это вертолетный крестный ход
слышишь
эти стихи никому ничего не должны
разве это стихи
слышишь
а ты должен.

вначале было тело
тело образы ело
выплывавая
без-образную безобразность

унылое гавно
отрази изобрази
все на мази
но забыл вообрази

характер в панцире
без кракелюринки
мораль сей басни
узор без изюминки

невротик навроде
чувственного сырья
жеманная поступь батальонов
а вот и я

прысни в кулачок
хуй ли еще
жизнь лучший агитатор
исполни себя во красе

конгениальное прикосновение
руки к штыку
ё не моё
ё твое
можно мочь могу

культурная революция
в стакане слов
ишь ты многогранный какой
улов углов

планиты землянитов
бешенство матки земли
не видел дальше собственной смерти
смотри

несказанное неслыханно
не всеяден так всесъедобен
к кому ты все время обращаешься
я вообще не с тобой разговариваю

школьница выбросилась из окна
а могла бы стать матерью
ну хорошо матерью не могла но могла
бы жить на радость родителям
ну хорошо не родителям но друзьям
не друзьям так в конце концов окружающим людям
пусть окружающие люди еще не знают о ней
но сейчас прочитают про то
как школьница выбросилась из окна
и подумают что она могла
бы стать матерью

дух это то чего в тебе
слипнется если начать вынимать ребра
колосья в тоталитарном гербе
втихаря прорастают на экспорт
неурожай ли
усохла да не усопла
вытри сознанию сопли
пела ли осанны осанке
видела ли в смятой перспективе
как мысли по косой исходили

фугой из твоей черепной фрамуги
вернись сейчас же внутрь
в-нутрь
проверь утварь
ууу-тварь
поклонись твари и ее творцу
ножка ножку лупит
глупые это любят
голубые фишки в плюсе
хватит просыпаться одному
ничком на траве глазницами шуршать
что видишь не передашь
а что передашь
то только для бумаги
без сознательного
бес сознательного
ребрист на ощупь
как рукоятка
усталого от неприкаянности металла
а руки помнят

о молекулы ничего не происходящего
круп коня в шкафу олега вещего
ржущего но не говорящего
примерь-ка мощи его
пора проснуться с крупными чертами лица
с больше чем верной соратницей по партии
поменять конспиративную квартиру
сделать так чтобы на сотни верст кругом народ видел
трепетал знал кричал
найдите людей потверже
чтобы солнечные лучи отскакивали от ягодиц
чтобы орехи кололи влагалищами
чтобы свободой воли дурь выбивали из
идолов во кремлевских капищах

и крепи имя
вера в пиар

не действует при минус сорока
превращение формы в
формальность
голь легка
на выдумку истин
сами себя боимся
сойдемся на евхаристии
вот они
миллионы низкорослых рабов ползут
вот они
самки богомоллов головы богомольцев жрут
не грусти это нехристи
объелись ереси
но ты-то гой еси
нет времени на медленные танцы
двигай телом детка органами трясись
быстрее быстрее
и в это же самое время детка
соси
млеко смысла из сосца матки доксы
подкидыш но что ей твой идиш
дети системы плетут истине косы
удовлетворившись подобием правды
что ты там цедишь сквозь зубы
свободному горло драть
караоке луженых глоток
интернационал в дивиди-формате
gay jewish trotskist
седлай своего херувима
мамона хоть и анонимен
но ноуменально нечист

*** / САША /

как прежде не будет
жизнь то она это как его немоготу
выстрел из краскопульта
по дзержинскому рту

не спать это спать вовнутрь
попа трусы съела
мама сквозь перламутр
папа шагает левой

беломорина тещу греет
пепел в пейзах тестя еврея
дедовый вещмешок
бабкина крепость кишок

водка звенит на морозе
о тридцати рублях
сестер под на-на увозят
в тонированных жигулях

братья красные маки
хачики тонкая кость
зиги из секондхэнд хаки
нация нации рознь

саша само совершенство
а еще самосовершенствуется
стране нужны эффективные менеджеры
холодная голова приветствуется

боялись самих себя
за идеей идя по трупам
прочь химеры люди меры у руля
родина сжиживайся и беги по трубам

саша знает толк в жизни
ничего личного просто бизнес
как живое сквозь нежить
так и саша что плохо лежит

купюрами
сухо снег хрустит
прививка от
культов личности

саша удобно устроился
кто его упрекнёт
норма прибавочной стоимости
от зависти бороду рвёт

цены на нефть вырастут
вырастут цены на нефть
цены на нефть поднимутся
и не опустятся впредь

а на газ?

цены на газ вырастут
вырастут цены на газ
цены на газ поднимутся
прямо препрямо сейчас

в систему закралась ошибка
я отказываюсь об этом говорить
в систему закралась ошибка
я отказываюсь об этом говорить

за несказанное ответишь

кровавый режим
режим кровав
кровавый режим
режим кровав

хватит нет еще раз

ксюша собчак
адмирал колчак
ксюша собчак
адмирал колчак

ксюша колчак
адмирал собчак
ксюша колчак
адмирал собчак

колчак собчак
собчак колчак

ууух/

*** / НЕ МАНЬЯК А ТАК /

только секса нету
а так все хорошо
не склонял к минету
просто мимо шел

шестнадцатэтажки
розовый закат
змей летит бумажный
я не виноват

что поделать коли
в хипстерских лосинах
на прогулку с колли
вышла рот разинув

как зовут — Нинелью
сколько лет — пятнадцать
видишь те качели
время кувыркаться

пса электрошоком
скотчем рот Нинель
это не жестоко
если самоцель

скрип качелей сухо
разрезает мрак
желваки играют
женихи все спят

девочки девчѐнки
комендантский час
приняла госдума
будто не для вас

евтушенко* любит повторять
я поэт для нормальных людей
а я для кого тогда поэт блять
для евтушенковских блядей?

евтушенковские бляди
евтушенко в глаза не глядя
его вялый орган глядя
за деньги слушают стихи

стихи вываливаются и падают
из голливудской челюсти поэта
евтушенко такое нравится
это нормально во время миньета

евтушенко кончить не может
ему сегодня семьдесят шесть
в вашем возрасте вообще не ебутся
шестидесятники знайте честь

FUCKIN' KURSHAVEL

песня

факин куршавель
факин куршавель
факин куршавель

факин куршавель
факин куршавель
факинг куршавель

тучные коровы
по небу летят
мужики суровы
бабы жрать хотят

нефтеналивные
годы нулевые
жирные и сытые
языком умытые

люди голой жизни
затекла спина
не досуг отчизне
ваши имена

ваше время вышло
стаяла лыжня
ухватили дышло
десять дьяволят

факин куршавель
факин куршавель
факин куршавель

факин куршавель
факин куршавель
факин куршавель

три медиа-образ
до экрана в рай
сны среднего класса
не перебивай

двойственность товара
на ночь помолись
а с утра с наваром
смоется и смысл

духовная надбавка
посреди ларьков
что корчагин павка
если есть сурков

ПИКАССО-ПРОСТИТУТКИ

песня

пикассо рисовал
совсем не проституток
он за девиц страдал
что в утлом доме блуда

должны тянуть пизду
заради хлеба неба
и возвертати мзду
каким-то недоебам

пикассо проститутки
пикассо проститутки
пикассо пикассо
пискассо проститутки
(2 раза)

лойола говорил
люблю тебя и все
и ты ей так скажи
и глядь уже сосет

два слова о любви
два выстрела в лицо
лойола знать был прав
люблю тебя и все

лойола я люблю тебя
лойола я люблю тебя
лойола лойола
лойола я люблю тебя
(2 раза)

мы были в суши-баре
ты заказал мне суп

но оказался после
со мною слишком груб

мы были в ночном клубе
ты заказал коктейль
но толком не дал выпить
и потащил в постель

не буду не буду
не буду больше впредь
по барам и по клубам
хвостом своим вертеть

на фабрику на фабрику
на фабрику пойду
устроюсь там монтажницей
монтажника найду

порядочного доброго
монтажника найду
красивого и умного
монтажника найду
(2 раза)

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ

Отправившись в Москву после ужина с друзьями, герой просыпается за Колпино от нестерпимой тряски. Завидев перед собой заблеванное лобовое стекло, он с трудом будит спящего в коробке бомжа и требует вымыть его тачку, но получает отказ ввиду ночного времени. Герою приходится дать бомжу на водку, чтобы путешествие продолжилось.

В Тосне герой соглашается подбросить человека с бегающими глазками, который оказывается барыгой, изготавливающим поддельные права и доверенности сомнительным людям на такого же происхождения тачки. Сославшись на плохое самочувствие, герой высаживает его на ближайшей бензоколонке.

На пути из Тосны в Любань путешественник видит крестьянина, который стоял вдоль дороги со спущенными штанами и показывал проезжающим задницу «с великим тщанием», несмотря на то, что был ноябрь и моросило. Крестьянин рассказал, что шесть дней в неделю его семья торгует на обочине разносолом и вареньем, чтобы не умереть с голоду, но так как денег все равно не хватает, он вынужден давать в жопу по воскресениям, хоть это и грех. Герой размышляет о жестокости пид...сов и в то же время упрекает себя в том, что и у него есть приятель Ч., над которым он имеет власть.

В Чудове героя нагоняет его приятель Ч. и рассказывает, почему он должен был спешно покинуть Петербург. Ч., развлечения ради, поехал на мотороллере из Кронштадта в Сестрорецк. По пути над ним решили подшутить два бугая на хаммерах

и зажали мотороллер между машинами. Казалось, гибель была неизбежна. Но на удачу в полтора верстах случился пост ДПС. Хаммеры бросили свою жертву-игрушку и умчались, а Ч., бледный и в царапинах, бросился к гибэдэдэшнику, но тот изволил почивать, и сержант, его подчиненный, не посмел будить его. Когда же собственными стараниями Ч. разбудил гибэдэдэшника, тот сказал: «Не моя то должность». Не найдя сочувствия случившемуся у петербургских милиционеров, он решил навсегда покинуть этот город.

По дороге из Чудова в Спасскую Полесь к герою подсаживается человек с честными глазами и рассказывает ему свою печальную повесть. Доверившись компаньону в делах по покупке недвижимости, он оказался обманутым, лишился всего состояния и был подведен под уголовный суд. Жена его, переживая случившееся, родила раньше срока и через три дня умерла, умер и недоношенный ребенок. Друзья, увидев, что его пришли брать под стражу, спустили несчастного по простыням из окна и велели бежать «куда глаза глядят». Героя тронуло рассказанное попутчиком, и он размышляет о том, как бы довести этот случай до слуха верховной власти, «ибо она лишь может быть беспристрастна». Понимая, что ничем не в силах помочь несчастному, герой воображает себя верховным правителем, государство которого как будто бы процветает, и ему все поют хвалу. Но тут малолетка на обочине, делающая минет дальнобойщику, снимает бельма с глаз правителя, и он видит, что царствование его было несправедливо, что щедроты изливались на богатых, льстецов, предателей, людей недостойных. Он понимает, что власть есть обязанность блюсти закон и право. Но все это оказалось только сном.

На станции Подберезье герой знакомится с аспирантом, который жалуется на современное обучение, направленное на серийный выпуск специалистов

узкого профиля в угоду рынку. Подлинная наука подменена сервильною, а вместо критического мышления студенты осваивают карьерное прохиндейство. Герой размышляет о науке и труде ученого, задачей которого видит совершение сонма открытий, прославляющих его и его страну.

Прибыв в Новгород, герой вспоминает, что этот город в древности имел народное правление, и подвергает сомнению право Путина назначать в Новгород своих наместников. «Но на что право, когда действует сила?» — вопрошает он. Отвлекаясь от размышлений, герой идет обедать к приятелю Карпу, прежде крышующему рынок, а ныне местному депутату. Заходит разговор о торговых делах, и путешественник понимает, что введенная антимонопольная система не гарантирует честности, а, наоборот, способствует легкому обогащению и воровству.

В Зайцеве на почте герой встречает давнишнего приятеля г. Крестьянкина, служившего в угрозыске. Когда на базе угрозыска сформировали центр противодействия экстремизму, то его отправили в отставку, поняв, что в новом центре он уже не может принести пользы отечеству. Он видел лишь жестокость, злодейство и несправедливость, а нужно было наоборот. Крестьянкин рассказал историю о жестоком ментовском начальнике, сын которого изнасиловал молодую провинциалку. Жених девушки, защищая невесту, проломил насильнику голову. Вместе с женихом были еще несколько его товарищей, и всех их по уголовному кодексу рассказчик должен был приговорить к огромным срокам. Он пытался оправдать молодых людей, но отец насильника надавил на суд и всех посадили.

В Яжелбицах, проезжая мимо кладбища, герой видит, что там совершается погребение. У могилы рыдает 37

отец покойника, говоря, что он — убийца своего сына, так как «излил вич в начало его». Герою кажется, что он слышит свое осуждение. Он, в молодости предаваясь любострастию, заимел хронический гепатит и боится, не перейдет ли он на его детей. Размышляя о том, кто является причиной распространения СПИДа, путешественник обвиняет в этом государство, которое не помогает инфицированным и не ведет профилактики наркомании.

В Едрове герой знакомится с молодой крестьянской девушкой Анютой, разговаривает с ней о ее семье и бывшем женихе, вернувшемся из армии инвалидом. Чтобы помочь ему, она выходит замуж за богатого, который делает с ней, что заблагорассудится, а она не смеет перечить, так как иначе не добыть деньги на операцию. Герой удивляется, сколько благородства в образе мыслей селянки. Он осуждает государство, не заботящееся о своих сыновьях, и размышляет о современном браке, вынуждающем восемнадцатилетних девушек становиться собственностью толстосумых бизнесменов. Равенство — вот основа семейной жизни, считает он.

По дороге в Хотилово героя посещают мысли о несправедливости использования труда гастарбайтеров. То, что один человек может поработать другого, он называет «зверским обычаем»: «порабощение есть преступление», говорит он. Только тот, кто обрабатывает землю или строит дома, имеет на них права. И не может государство, где несколько миллионов граждан лишены гражданского звания, «называться блаженным».

В Торжке герою встречается человек, отправляющий в Москву письмо о возобновлении работы независимого интернет-портала, свободного от цензуры. Они рассуждают о нетранзитивности телевидения и о

вреде цензуры, которая, «словно нянька, водит ребенка на помочах», и этот «ребенок», то есть зритель, никогда не научится ходить (мыслить) самостоятельно. Цензурой должно служить само общество: оно либо признает за информацией право на жизнь, либо отвергает.

В деревне Городня происходит набор в армию, ставший причиной рыданий толпящегося народа. Плачут матери, сестры, невесты, провожая своих неуклюжих и хилых юнцов. Но не все недовольны своей судьбой. Одни, самые здоровые, нагло ухмыляются из-за приспущенных стекол бмв. Им армия не грозит. Другие, с шальными взглядами гопников, рады избавиться от проблем с законом и уехать из осточертевшей деревни.

В Пешках герой обзревает обычный жилой дом и удивляется бедности, здесь царящей. Хозяйка просит у него пакетик роллтона для ребенка. Автор в лирическом отступлении обращается к проезжающему мимо чиновнику с осуждающей речью: «Жестокосердый чиновник! посмотри на детей жителей, тебе подвластных. Они почти наги». Он сулит ему погибель на вертолете во время охоты, так как видит, что на земле праведного суда нет.

Заканчивается «Путешествие из Петербурга в Москву» книгой Лужкова «Транскапитализм и Россия». Герой ссылается на то, что эту книгу дал ему кто-то из Университета им. Ломоносова, с которым он обедал в Твери. Основное внимание в своей книге Лужков уделяет теме мирового кризиса. Автор ставит перед собой смелую задачу — определить, где кроются истоки кризиса и найти путь, по которому Россия сможет из него выйти с минимальными потерями. В мучительных думах о поиске такого пути для России герой прибывает в первопрестольную.

ДАО ЛЫЖНИ

блаженен лыжник
что на холм елочкой
взбирается кропотливо
чтобы пронестись потом вихрем
мимо меня

храним холм
что так обманчиво полог
и правдиво белес
и соборен

елейна елочка
что пунктиром в природе
оставляет след
труда осознанного

волнующ вихрь
что мгновением позже
осядет на моих одеждах
салютом людских
страстей

да и я не статуарен
я меняюсь в тот самый момент
когда вижу лыжню
уходящую за горизонт
сущего

нефти несть числа	литые бока танкера
окоем бестрепетно примет	сверкают во мгле
вектор взгляда плотоядного	наполовину пуст
инвестора а попросту	наполовину полон
зрящего в недра земли	возьми в полон
как вслед бедрам девы	срывая перстни
колышущимся в такт насосу	на кончиках пальцев
сколько нужно вкачать	да и хер с ним
чтобы выкачать	ни света ни тьмы
здесь были вышки	света открывай это мы
снимали вершки	северные платят исправно
возвращались смуглые	из исправительных
из-под матери-земли	уходят в тайгу
окорочка обамы	и едят друг друга так же
жены жарили	медведь задирает забрало
брали за грудки	единоутробное ебало
белое бескрайнее	полакомиться медком
разлито вовне	уклюжие с матерком
загоризонталено	замести еловой лапой
солнце во мне	триколор треклятый
бананы в нарьян-маре	мести несть числа
и зимой и летом	раздвигай чресла
князь серебряный	я свой в доску
на золотом коне	за папироску

МУХА

рэп

цветомузыка
стробоскоп
хватать за гузку
школьницу качок

пудрить извилины
ей велено
ему доверена
мускулатура впрок

вася в абибасе
аня с энергетиком
часик поколбасят
чиста ради этики

смешки сморчков
однокашек торчков
дым сигарет
без тебя меня нет

танцы бицепсы
тангенсы синусы
скрипит железо
далеко не полонеза

в баре муха
языком в ухо
в двушке в люберцах
стерпится слюбится

бутылка брюта
о низкий лоб
беги анюта
в тенёт трущоб

смой штукатурку
авось не узнает
и лучше на Лорку
сходи с Николаем

тебя который день нет в сети
не вылезает из постели
нового молодого человека
басиста альтернативной рок-группы
он подарил тебе самокат
я видел как ты на нём каталась
и смеялась при этом как дура
впрочем неудивительно
по последним данным американских ученыху басистов
самый низкий айкью среди музыкантов

БУФЕТЧИЦА

голодными глаза
не сделать по заказу
буфетчица-егоза
во взгляде шалом жизнь

продвигая поднос
задействуй нос
греческий салат
смоковница поднесет

смотри в рот
сейчас оттуда вылезет
алюминиевый прибор
не забудь вылизать

на дне фаянсового бора
трещина толщиной
с волос пергидрольный
пахнет хвоей

трудодни убраны
на затылке в ком
с глаз долой
из тарелки вон

поедьте со мной
в деревню где нету
ничего кроме хуя
по железке не доезжая Буя

ночь нам покой несет
и мимо опять пронесет
утро спросит где нас носит
а день подменить попросит

вечер стряхнет в нас пепел
и третью смену призовет
а та уже воет в прицепе
и лапу лижет и копытом бьет

и все бы ничего
если бы так и закончилось
но те по ошибке во гроб кого
поклали, слишком ворочались

*** / СИРЕНЕВЫЙ ШАРФ /

шестиклассница повесилась в доме на улице коммуны
вчера около 17 часов в одной из квартир одного из домов
по предварительной информации девочка повесилась на шарфе (пусть будет
сиреневый)

закрепив его на турнике в дверном проеме
я прочитал эту новость сегодня утром в интернете и ужаснулся
как будто бы видел все своими глазами

а кто бы не ужаснулся

каждый бы на моем месте ужаснулся

и вы бы ужаснулись

несмотря на то что сидите дома перед монитором

поэтому чтобы ваш ужас не был столь ужасен

столь реален и неотвратим как эта строчка из ленты новостей

я облекаю его для вас в некое подобие художественной формы

и помещаю в символическое пространство стихотворения

ведь обливаться слезами над вымыслом куда прекраснее и главное безопасней

чем от сухих знаков сообщающих о настоящей смерти

пусть даже и незнакомой вам шестиклассницы

но столь метафизически прямо и непристойно

вы подумаете должно быть переходный возраст

неблагополучная семья неразделенная любовь

а может она попала под влияние секты сатанистов

а еще вы подумаете (сосчитав в уме) сколько же ей было лет двенадцать? тринадцатая? как она сама смогла завязать шарф и повесить себя если даже царские церберы не смогли с первого раза повесить декабристов (и Рылеев тогда еще усмехнулся и горько молвил что за проклятая страна мол даже вешать не умеют) а тут 12-ти летняя девочка с улицы коммуны взяла и повесилась (Рылеев еще тогда сказал что не умеют ни составить заговора, ни судить, но вас это сейчас не заинтересует)

как не заинтересует и словечко «муравьевский воротник» обыгрывающее имя графа М. Н. Муравьева лихо усмирявшего повстанцев польского восстания 1863 года или такая идиома как «столыпинский галстук» впервые произнесенная кадетом Федором Родичевым на заседании Госдумы 17 ноября 1907 года в укор русской власти жестоко подавлявшей эксцессы революции 1905 года но зато может быть вы подумаете что это за страна такая где не умеют вешать (а как мы знаем все-таки умеют) но раз за разом хочется вешаться 12-летним девочкам на своих шарфах (пусть будет сиреневых) и скольким шестиклассницам нужно будет повеситься чтобы в сегодняшней обиход вошло словечко сиреневый шарф

переведи дух
на народные деньги
количество мест ограничено
ты знаешь
я постоянно живу с ощущением
что вот прямо сейчас что-то проебываю
количество мест ограничено
ибо каждая вещь
наущную жизнь которой
вы хотите передать
сперва спросит вас
свободен ли ты?

количество мест ограничено
соня слушает аудиоприложение к учебнику по английскому
молодой человек отчетливо произносит: I have a sock
соня вспоминает деревенского васю
с которым они летом сидели в стоге свежего сена
ухмыляясь он спрашивает соню
хочешь покажу тебе своего петушка
а потом вскакивает и дико закуракаев убегаёт махая руками
это потом они с васей запустили красных петушков в соседское сено
это потом они блевали яблоками на траву
это потом вася давал ей потрогать свой набрякший в сосудах

как уродливая узловатая коряга член
а соня видела как он дрожит под ее пальцами
и смеялась от нахлынувшей власти
молоко матери земли
белое пребелое айлюли
готов ли ты лечь рядом с прокаженным
и вернуть ему то бессмертное объятие
что он похерил при первоначальном накоплении
второсортной материи

совокупность негосударственных недуховных неисторических и невыдающихся событий
количество мест ограничено
говорят вдоль железной дороги москва петербург
через каждые 20 километров поставят вышки
а в них посадят стрелков с оптическими винтовками
чтобы пассажиры чувствовали себя в безопасности
думаю стоит натянуть еще колючую проволоку и подать в нее напряжение
путешествие из северной колонии в южную
не ерничай

вот в тайге когда сбегает кто-нибудь из исправительной
то берет с собой напарника поупитанней
а потом по весне в лесополосе
птицы догладывают кости несчастного
это все глупости
а вот почему количество мест везде ограничено

ведь страна вымирает по миллиону в год
а таджиков ты учиываешь
лужков говорит в одной москве их за миллион
вот и компенсация
из тебя прет элитаризм
таджики что не люди что ли
да если б не они все давно бы развалилось и проржавело
нет элитаризм прет из тебя
это ты их не учиываешь

улица в маленькой стране как проститутка
переименоывается под сильным и денежным соседом
Георгиевский проспект в Вильно
она же улица Мицкевича
она же улица Адольфа Гитлера
она же проспект Сталина
она же проспект Ленина
а сейчас проспект Гедимина
количество мест ограничено
мало простого преходящего милосердия
мало
нужно чтобы некуда было возвращаться
нужно
ляг со мной
ляг со мной
я сказал ляг рядом со мной

PRO MYASO

в хронике событий вещает мужчина строгого вида
водитель субару не справился с управлением
и сбил женщину с ребенком стоящими на тротуаре
я в это время жую мясо мясо жую
мужчина укоризненно смотрит на меня с экрана
я знаю что он хочет мне сказать
типа как ты можешь жевать
когда я говорю о таких вещах
о таких страшных вещах
которые происходят каждый день каждый час каждую минуту
на этой планете в этой стране в этом городе
смотри урод — вот женщина вот ребенок — оба мертвы
тебе поближе показать чтобы ты подавился
вот тебе крупный план видишь еще пар от крови клубится
небось у самого жена и дети не вороти рыло смотри
наивный ты мужик хочешь меня окликнуть
уж на что невзоров не по тебе был
искренне свое дело любил
издевательства над лошадьми так показывал
что Федор Михалыч бы загляделся
тебе же своим строгим видом
и домохозяйку не напугать
а ты еще силишься мне какую-то там социальную идентичность навязать

да мой биологический субстрат
завсегда брал верх
прожилки хрящики косточки
только и всего что осталось честного маскулинного родового мужицкого
ведь мужик если подумать и есть это самое мясо
работее пушечное крестьянское интеллигентское
жульенчики в тарталеточках — реки розового гноя
а мужику нужно мясо много мяса
иначе мужик со всем этим не сдюжит
апатия и безвольность
разбалансированная жестикуляция
мышечный тремор
эрекция раз в месяц а то и в год
все это от недостатка настоящего свежего сочного парного мяса
ведь баба она физиологична
чувственный мир бабы это поверхность песни
на самом деле баба любит в мужике его мясо
она чует запах мужского мяса и по ляжкам ее уже сочится ее родовая влага
баба это всеобъемлющая емь готовая засасывать в себя яр за яром
чтобы потом выпрастываться новыми кусками мяса
мужчина строго вида из хроники событий
тебе нравится смотреть на это больше меня
я ем телятину а тебе каждый день нужна моя кровь
ты сдираешь с меня кожу чтобы я ревмя ревел
а мое дымящееся окровавленное мясо оставляешь на поругание

ты только и ждешь что я закричу распни его
но на этот раз ты меня не проведешь
мой рот занят
я ем мясо
и это надолго

*** / ДАВЫДЫЧУ /

мороз не пахнет ничем
зачем ты здесь дядя зачем
коту мрачно гладишь холку
рукав закатав по наколку

кобылка фракийская шмыг
кухни засаленной меж
дядя ты вроде мужык
но даже глазами не ешь

застенчиво скрипнет пол
за стенкой умолкнет цой
за пазухой литра пол
какой выбираешь строй

не про нью-йорк и париж
чую ты дядя молчишь
за казахстан и урал
выпил как воздух украл

в коридоре стоит ледоруб
от него тихо веет холод
будто в угол поставили труп
чувака что у дяди наколот

ленкины коленки
в девичьи коленки
лапочку вкрутить
день рождение ленки
мать ее етить

румянец как цветной
платок на голой бабе
а в глазах запой
неповадно дабы

смоет мать водица
в унитазаы ртов
полоумье с лиц
ленкиных сватов

ГНАТЮК

(прислушиваясь к внутреннему ребенку)
Моя покойная бабушка по отцовской линии
очень любила песню Гнатюка «Малиновый звон».
Малиииииновый звон на зареееееееее/скажииии моей
мииилой землееее. Один раз она раздела меня до гола,
чтобы наказать за то, что я разбил банку с грибом. А тот
еще к тому же не до конца настоялся. Ощущение полной
беспомощности и обнаженности. Первое осознанное
чувство стыда перед миром. Сам, словно дрожащий
склизкий гриб на полу, точка схождения ледяного
взгляда бабушки и острого стеклянного крошева. Не
хотелось, чтобы хоть кто-то увидел меня таким.
А в это время на Маяке заиграла песня Гнатюка
«Малиновый звон». В детстве все чувства острее и в
память врезаются глубже. Первичная социализация
самая сильная. Мир открывается нам через

значимых других, и холод выцветших голубых глаз бабушки пронизывает меня до сих пор, когда я делаю что-нибудь не так. А тут еще это ощущение присутствия совсем Другого: до сих пор мне кажется что Гнатюк все видел.

И когда недавно я пришел в гости к девушке (мы встретились в квартире ее покойной бабушки), то у нее на кухне было точно такое же радио Маяк. Трехкнопочное, но безальтернативное, как прошлое. И как только я услышал знакомую мелодию, изнутри меня полезли те самые детские страхи. Вот они: Гнатюк совокупляется с бабушкой и поет, а я стою голый босиком на стекле и должен все это видеть и слышать и ни в коем случае не отворачиваться и не затыкать уши. Девушка сказала мне: «ну что ты врос как гриб! Раздевайся!». А я-то знал, что Гнатюк все знает, и начал покрываться пунцовыми пятнами, и потница выступила на лбу, и рубашка прилипла к спине. «Какой ты чувствительный. Я тоже люблю эту песню. У меня ее папа очень любил включать, когда мы ехали солнечным первомаяем на дачу. Я тогда была совсем маленькая, но хорошо помню, как папа прибавлял громкость и подпевал Гнатюку, а я вертела попой на раскаленном от солнца кожаном сиденьи папиной пятерки, будучи не в силах уже терпеть жар ее чресел. Ха-ха. Мне кажется, ты сейчас такой же горячий, только не пахнешь дерматинном и мамиными духами «может быть»». Может быть. Отступить было некуда. Попросить выключить — проявить безволие, а, может быть, и уйти ни с чем, навсегда травмированным еще и этим. Поэтому у нас был отчаянный секс. Я постарался полностью отключить голову и единственное слышащее ухо. И теперь, когда я слышу эту песню, то мои детские переживания кажутся мне смешными (и даже в чем-то приятными), потому что на их фоне вырастает большой влажный красный гриб и Гнатюк его сосет с малиновым звоном.

мальчик на заднем сидении
огромного лексуса
словно кукла
стеклянные глазки не мигая смотрят на непонятный мир
там снаружи серо и холодно
а внутри тепло и уютно
и очень надежно
у его отца сильные руки
хотя гидравлический руль не требует особых усилий
но игра желваками
обязывает и бицепсы и даже фаллос
не говоря уже о душе
корреспондировать друг с другом
без изъянов
сиюминутная расслабленность
и руль
даром что гидравлический
выкрутит жилы намотает кишки проломит ребра
в огромном лексусе нет места
никому и ничему
кроме тотальности выверенных движений
кукла на заднем сидении
не в счет
она его семя
по нему будут судить его
а значит он должен дать ему все самое лучшее
без травм без разрывов без лишений и невзгод
которые сам всю жизнь преодолевал
кукле ни к чему этот опыт
лучше кастрировать ее в раннем детстве
чтобы та не обкончала потом
дорогой кожаный салон его лексуса
из стеклянных очей
слезу ждать вотще

*** / ТАК? /

так перекликаются разные поэтики
ну и что
/закадровый смех/

так шумит пересоставленный на молекулярном уровне
стиховой воздух
/закадровый смех/
ну и что

юрец вернулся ни с чем
егора выплюнула горнолыжная труба
варя не выговаривала имя кьеркегор
лешу уволили из милиции потому что он выносил из
избы сор
валера не доверяет внесистемной оппозиции
люба нашла в трусах сто евро с подписью любе за
любовь
павел не смог сдать сперму и остался голодным
/закадровый смех/
/закадровый смех/

побег из тюрьмы языка
принудительное возвращение
удвоение срока
ничего не сойдет с рук
пишущего рукоблуда
/закадровая ухмылка/

наевшись напившись натрахавшись
хочется чего-то трансцендентного
но робкие если не рабские
мысли способны лишь
на подкожную жажду насилия
над собой как претерпевающим
недуг отчужденности от ближнего
и отождествления с подтянутым парнем

в развалочку поднимающимся по трапу
и улетающим вдаль и ввысь
куда-то за кадр

а лиза морозова приготовила мыло из себя
кто такая лиза морозова
лиза морозова — художник
она сварила мыло из собственной крови волос и ногтей
совершив тем самым символическое самоубийство
а что можешь сварить из себя — ты — поэт
не подъебывай
/закадровый смех/

выблюй речь выблюй речь
/блёвки/

а все началось с запорожца
выигранного в лотерею
а иное быть может тоже
не лучше того что есть
а потом он встретил людмилу
и они громко хохотали
когда поливальная машина
окатывала их белой ночью
а потом родились две дочки
и они все вместе уезжали
на выигранном запорожце
за город на первомайские
/закадровое умиление/

власть в воздухе
расчерченном
сигарным дымом черчилля
актер американский
сказал империя — зла
а леди из железа
забила козла
/закадровый ропот/

гонимый а не голимый
что?
я говорю гонимый
черной былью призрачной пылью
черный лебедь террора
деньги работа деньги смерть
в день по три раза говорят
здесь взорвалось там упало того не стало
/закадровое брюзжание/

воображая что выходишь за рамки отвлеченных понятий
и занимаешься насущным:
пусто место свято
забуди свой шесток
раскачивай мирный атом
на запад и на восток

так не бывает
ого эвон оно как
так значит участвуем в бытие?

учуем:
запах жертвоприношения экопоселенцев
пуруши создал из кусков своего тела мир
а динанухте — получувак полукнига
сидел у воды между мирами и читал сам себя
упаси тебя бог так же
/закадровый трепет/

это не правда
врешь стих
отстаешь
за приметами времени
тебе не поспеть
только за пометом
гадящего под себя
сущего
/ну и ну/

глупый и жалкий
поедая мир
ты не успеваешь даже окостенеть
чтобы застрять в горле у вани
сливовой косточкой
той стремной поры
у какого еще вани?
ну и что
ну и что
той стремной поры
/закадровый смех/

молитвенное стояние против аборт
свечка по закону приравнивается к фальшфейеру
больше трех не зажигать
все это как сказал бы арто
голоса лимба
неродившихся душ
или как пел о детях беслана вилли токарев
дайте нам пожить
не стреляйте в нас
думайте о нас
каждый божый час
/закадровое порицание/

аккуратные акупунктурные аллюзии на ренессансные
полотна
ну и что?
а вот в убийстве марата
есть что-нибудь от революции?
голый марат в ванне
а свобода ведущая народ?
античная красавица обнажившая грудь
и несущая трехцветный флаг
а ребенок с двумя пистолетами?
а ты знаешь что до передвижников не умели рисовать
грязь?
зато теперь ее кладут вместе с говном пролетария

прямо на холст
/ну и ну/

на языке у него вечно какие-то вьючные
ослы кузнецы сапожники и дубильщики
и кажется что говорит он всегда
одними и теми же словами одно и то же одно и то же
а ну как языком железа цемента и электричества его
заткнуть
/закадровая возня/

а иное нам не дано
а иное нам и не надо
ты и убогая ты и обильная
ты и могучая ты и бессильная
/да ладно те/
матушка
(лактирует сосцами)
русь
/закадровое чавканье/

а за кровью правда
к манифестации красивых людей
хочется примкнуть
всем телом
обрюзгшим и опрелым
от долгого подчинения
причинно-следственным.
ближе к смерти левачок
крест зажми во кулачок
ошибайся и мужай
вытанцовывай и выпевай
общее красивое
/и с побритым лобком — хорошо и с побритым лобком/
тело товарища
друга брата сестры
и клевой телочки
/закадровое ура/

так значит есть кто-то за кадром
так значит не зря все это
хватит ржать
что?
руки матери
я говорю руки матери
тише тише...

токсикоманы девяностых
собой заполнили погосты
ребят незлобных и простых
сменили парни нулевых

они не дышат клеем нет
бабло не пахнет
но могут за один момент
отбить вам память

во сне меня целует дождь
ты говоришь о том что знаю
а как же то воображение как же та святая ложь
которые всегда спасают

когда не помню ничего
чему меня учили
когда уже не до того
чему недоучили

когда блять да мне снится только сон
мой золотой прекрасный сон
не просыпайся говорит мне он
я обещаю тебе дальше сниться

и сыплет золотым дождем
и льет эфир в глазницы

НА ЭТОЙ СОФЕ...

«На этой софе тетя могла быть только убита» — пишет Беньямин, объясняя, как зародился жанр детектива. «Безддушная роскошь мебели становится истинным комфортом только в присутствии мертвого тела» — продолжает он. Кризис, случившийся больше года тому назад, в своем трагическом измерении разрушает рамки детективного жанра и репрессивностью событий заставляет буржуазию 21 века экзистенциально проговариваться о другом. На западе суициды разорившихся бизнесменов следуют с удручающей периодичностью. Недавно еще один американский финансовый директор крупного ипотечного агентства повесился в подвале своего дома. В подвале. А что в России? Открывая сайт Фонтанка.ру, читаю, что в Петербурге в начале декабря один брокер покончил с собой из-за обязательств перед своими клиентами. Зайдя в офисную уборную, кухонным ножом он изрезал себе вены на локтевых суставах и под коленками. Это очень мученическая смерть. А вчера, в Петербурге же, владелец стройфирмы сначала выстрелил себе в голову из пистолета, закрывшись на кухне. Пусть и с дорогой встроенной бытовой техникой, но на кухне. А потом его мать, увидев мертвого сына, перерезала себе вены. Не на софе и даже не на диване, а в ванной комнате. Пусть и с подогреваемым полом и немецким кафелем, но в ванной комнате. Его мать входила в совет директоров указанной фирмы, о чем упомянула в своей предсмертной записке: «Не могу — написала она — в этом есть и моя вина».

Смерть, а тем более сегодня, в режиме калейдоскопической скорости поставки новостей на дом через разнообразные медийные источники, стала для нас, людей по ту сторону экрана, всего лишь очередной новостью, более-менее трогательной, интересной, волнующей, но укладываемой в поток

поверхностных знаков на экране. Поэтому и в случае вышеупомянутых суицидов можно было бы по-филистерски съерничать, мол не умели вести дела попали в долговые ямы сколько таких нерадивых. Кризис больно ударил по простому народу, который еле сводит концы с концами, а эти гибнут за свою собственность, за свою жадность, недалёковидность, авантюризм, паразитирование на народе. Почему нам должно быть их жалко? Но жалость — это не вопрос присутствия сердечности. Если жалко, то готов ли ты лечь рядом с прокаженным, возвращая ему то бессмертное объятие, для которого мало простого преходящего милосердия. Мне интересен другой вопрос: почему, погибая за свою собственность, люди делают это не на роскошном белом кожаном диване, не в кресле из массива ореха, не на софе из красного дерева, а в подвале, уборной, на кухне, в ванной комнате? Но и это можно просто объяснить практичностью: человек в последний момент жизни ищет укромный угол, где он может остаться наедине с собой и принять последнее решение в своей жизни. В конце концов, человек слаб и грешен, и путь его от пеленки зловонной до смердящего савана. Но достаточно ли такого объяснения? Не потому ли «слабый и грешный» человек лишает себя земного существования именно в том, а не в каком бы то ни было другом месте, что в последний момент жизни открываются последние истины. Истины, которые прозрачны до слепого пятна. Не потому ли, что в последний момент жизни ты живешь по-настоящему и умирая за собственность, тебе совсем не хочется умереть как собственнику. Глупо умирать за собственность, оставаясь собственником. С лезвием бритвы с тебя соскребается весь слой напластованных за недолгую или долгую жизнь идентичностей, оставляя голым перед миром. В последний момент жизни, даже думая, что своим суицидом ты уходишь от ответственности, ты по-настоящему думаешь не

о себе а о других, о Другом. То есть только в этот момент ты по-настоящему и осознаешь себя ответственным. И вот тут бы остановиться, в этой точке полной перемены ума, в этой блистательной метанойе. Но ее инерция оказывается сильнее. Ты слишком долго жил ради этого и внезапное осознание того, что то самое «это» было зря и никогда не свершится, становится непосильным губительным травмирующим смертельным. Твое «это» было слишком укоренено в рамках конечной телесной жизни, чтобы ты мог успеть вообразить для себя другое «это». Простые люди любят читать детективы про то, как буржуазия убивает друг друга за собственность, но искренне недоумевают, как можно покончить с собой за собственность. Но если для того, чтобы перестать быть собственником в старом частнособственническом понимании этого слова, собственности, которая углубляет отчуждение между людьми, нужно совершить насилие над собой, уничтожить тело, то лучше это сделать самому, чем дожидаться киллера. Так, по-крайней мере, тебя найдут не посреди «бездушной роскоши мебели», а внутри общего и понятного утилитарного пространства, которое являет собой зарю необходимости, которую ты узрел в последний момент, лишая себя жизни. Умирать среди роскоши очень красиво со стороны, но невыносимо для того, кто прожил свою жизнь ради этой роскоши.

Бумага, на которой напечатана эта брошюра, в полиграфическом производстве называется «крафт». Такой же пользуются работники почты и многих других технических отраслей.

Труд автора вложен не только в тексты, напечатанные на этой бумаге, но и в делание самой книжки, ее послепечатную обработку. Возможно, именно потому, что поэты, как правило, не были заняты материальным трудом, то, что вы держите в руках, не похоже на «нормально сделанную» поэтическую книжку. Подобная «сделанность» может сказать не только о том, что обычно за них это делали другие, но и то, что поэтами это странное разделение наконец замечено.

Конечно же, ремесло поэта, прежде всего, заключается в производстве «речевых вещей», подразумевающим умение видеть фактуру языкового материала и умение преодолевать его сопротивление. Однако чувствительность к материальности языка и непрозрачности формы при известной последовательности приводит к анализу материального уровня бытования литературы и непрозрачности ее отношений с обществом и, как следствие, к пересмотру границы между «искусством» и «тем, что его не касается».

Эту серию можно понимать как стремление людей, являющихся специалистами по словам, обрести квалифицированное отношение к самим вещам, стремление понимать дело литературы не как некое привилегированное ритуальное действо, а как способ людей освоиться с жизнью, стремление к упразднению разделения труда на «творческий» и «ручной».

Совместная серия альманаха «Транслит» [www.trans-lit.info]
и Свободного марксистского издательства [www.pasolini.ru/fmp.html]

The word 'kraft' is rendered in a large, bold, lowercase font. Each letter is filled with a dense, diagonal hatching pattern, giving it a textured, three-dimensional appearance. The letters are closely spaced and have a slightly irregular, hand-drawn quality.

| АЛЬМАНАХ «ТРАНСЛИТ» И СВОБОДНОЕ МАРКСИСТСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО |